

БОМБОРА Story

ПИТЕР КОНСТАНТИН

Купленная невеста

стань
наложницей
или умри

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
К65

Peter Constantine

THE PURCHASED BRIDE

Copyright © Peter Constantine, 2022

This edition published by arrangement with The Jennifer
Lyons Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Константин, Питер.

К65 Купленная невеста. Стань наложницей или
умри / Питер Константин ; [перевод с английско-
го А. В. Симагиной]. — Москва : Эксмо, 2024. —
272 с.

ISBN 978-5-04-192893-3

Начало XX века, дни Османской империи сочтены. Юная Мария бежит в Константинополь из разоренной кавказской деревни. Путешествие к побережью Черного моря полно неожиданностей и опасностей. Девушка сталкивается лицом к лицу со своей судьбой: богатый турок-осман покупает ее, Мария становится наложницей в гареме. Автор написал книгу о жизни своей бабушки.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Симагина А.В., перевод
на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-192893-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	53
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	95
Глава 11	103
Глава 12	111
Глава 13	121
Глава 14	129
Глава 15	135
Глава 16	143
Глава 17	153

Глава 18157
Глава 19167
Глава 20171
Глава 21177
Глава 22185
Глава 23195
Глава 24201
Глава 25209
Глава 26219
Глава 27229
Глава 28239
Глава 29249
Глава 30257
Благодарности267

ГЛАВА 1

*Смотрины, лето 1909 года,
Константинополь*

Мой дедушка идет по длинному коридору в комнату, где Мария и две другие девушки, которых он купил, ждут, пока на них придут смотреть. Мария не видела других девушек раньше. Им обеим по пятнадцать лет, как и ей. Их привезли из-за границы, из Батума. Каждую из них изолировали в отдельной комнате за неделю до этого последнего просмотра, который решит их судьбы.

Несмотря на теплую погоду, дедушка одет парадно: строгий костюм, сверкающий в лучах солнца монокль и белые перчатки, такие тонкие, что поверх них можно надеть кольца. Он одновременно и современный османец, и консервативный мусульманин, поэтому выбор девушек для своего дома он считает торжественным событием. Осталось выяснить: понравятся ли ему девушки настолько, что останутся в качестве наложниц; понравятся лишь в малой степени и останутся в качестве служанок; или не понравятся вовсе и будут про-

даны в другие семьи. К тому времени, как моя бабушка Мария появилась в его доме, дедушка покупал девушек вот уже три десятка лет, и за это время он разработал четкий протокол. Он и его первая жена, бабушка Зекие, на которой он женился, когда ему было двадцать, а ей шестнадцать, выбирали девушек вместе. Но у каждого были свои приоритеты. Дедушка высматривал красоту, грацию, европейские черты, стройную талию и пышную грудь, природную скромность и то, что он называл «острый ум». Если девушку брали как наложницу, она оставалась в доме навсегда, а через десяток лет ум может стать единственным противоядием против увядания чар красоты. Бабушка Зекие смотрела на приобретаемых девушек через куда более узкую призму: она рассматривала грудь и бедра в поисках несовершенств, которые мужчина может заметить не сразу. Если девушку надо будет перепродать, то сделать это надо до того, как дедушка лишит ее невинности, поэтому Зекие искала любые недостатки, которые могли бы поумерить его интерес после того, как первоначальное возбуждение спадет. Она мастерски определяла, как долго продержатся формы девушки. Худая в тринадцать — не значит худая в восемнадцать. Один подбородок может легко превратиться в три. Девушка может иметь прыщи, что вполне приемлемо, даже очаровательно, но только если прыщи не такие, которые оставляют пятна.

Еще во время смотрин Зекие должна была определить, впишется ли девушка в строгую иерархию их дома. Быстро ли учится новенькая, умна ли она достаточно, чтобы красиво заговорить на турецком? Будет ли она послушна? Сможет ли она сохранить приятную индивидуальность, но все же подчиняться старшим женщи-

нам гарема? За тридцать лет, что бабушка Зекие вела быт в дедушкином доме, ни одна жена, наложница или служанка не пополнила гарем без ее одобрения. Но ее выбор всегда был удачным, и дедушка всегда оставался доволен. Многие из дедушкиных ровесников считают жизнь дома тягостным испытанием, их покой омрачают недовольные жены и враждующие наложницы. В Константинополе и крупных городах Османской империи все чаще даже самые богатые мужчины отказываются от исламских правил, позволяющих иметь четырех жен и столько наложниц, сколько могут себе позволить. Все чаще османцы ограничиваются одной женой да одной или двумя женщинами, которых они держат на частных виллах и посещают тайно. Зекие предпочитает старые порядки, которые позволяют ей следить за происходящим. Хорошо управляемый дом может сделать жизнь своего хозяина приятной. Так дед обнаружил, что избегает скуки супружеского однообразия благодаря тому, что время от времени в его доме появляются новые лица.

Дверь гостиной открывается, и входит дедушка. Зекие откладывает книгу, которую читала, и спешит к нему. Она тоже одета официально — в длинное вечернее платье. Она прижимает к щеке свой страусиный веер, шепчет что-то дедушке по-французски, а затем указывает на трех девушек. Они стоят у большого окна, выходящего в один из садов гарема. Дедушка улыбается и что-то шепчет в ответ, на что она игриво дуется и ударяет его веером по плечу. Она кладет свою руку на его, и они идут через гостиную к испуганным девушкам.

Девушки, хотя их головы непокрыты, одеты в длинные шелковые туники, доходящие до пола. Они впервые предстают перед дедушкой в образе скромных турецких

девиц, таких, каких османский джентльмен мог бы пожелать видеть в своем доме.

— Здесь прекрасный выбор, — говорит бабушка Зекие по-французски.

— Это правда, — отвечает дед.

— Мне особенно нравится зеленоглазая, — продолжает Зекие, указывая веером на Марию. — Сначала посмотрим ее?

Они подходят к Марии. Девушка смотрит прямо в глаза мужчине, а затем медленно опускает взгляд. Так велела Зекие, когда готовила девочек к смотринам. «Ваш будущий господин захочет посмотреть вам в глаза, — говорила она. — Но лишь на миг. Девушка не должна долго смотреть в глаза мужчине, даже если он будет ее господином».

— Она прилично говорит на турецком, — говорит Зекие. — Немного странно, немного по-татарски, но прилично.

— Приветствую. Я Мехмед, — говорит Марии девушка.

— Приветствую. Я Мария, — снова поднимает глаза девушка, хотя и не уверена, что должна. Ее взгляд цепляется за монобль, и она поражается, как это круглое стеклышко остается на месте. Он старше, чем она думала. В волосах уже видна седина. Она думала, что ее будущий муж будет возраста ее брата, но теперь она понимает, насколько глупа была эта мысль: великий человек, вельможа — это тот, кто сделал много вещей в своей жизни, а не какой-нибудь мальчик. «Господин Мехмед слишком знатен, чтобы быть женихом, — думает она. — Наверное, это отец моего господина, глава семьи, пришел посмотреть на будущих невест для

его сыновей». Этим утром Зекие не представилась девушкой: она просто собрала их в маленькой комнате, где жестами и простыми фразами на турецком объяснила, что делать. Поэтому Мария решила, что Зекие — мама ее господина. «А что, если я им не понравлюсь и они отошлют меня прочь», — с ужасом подумала Мария.

— Приветствую, Мария, — говорит бабушка, произнося ее имя на иностранный манер.

— Приветствую. Я Мария, — говорит она, а потом улыбается, понимая, что просто повторяет одно и то же. Бабушка тоже улыбается.

— У нее приятный голос, — говорит он Зекие. — Она не боится смотреть мне в глаза. Очень смело.

Зекие веером подает Марии знак, чтобы та опустила глаза. Мария подчиняется. Повсюду в комнате золото. Огромные вазы стоят во всех углах и на столах. Они старые, наверно, даже древние, но выглядят такими чистыми и наполированными, словно новые. Мария хочет поднять голову и осмотреться, но знает, что не должна. Она останавливает взгляд на самой нижней полке книжного шкафа, стоящего у противоположной от нее стены. Никогда еще она не видела так много книг. В ее греческой деревне на Кавказе у священника была Библия и два тонких томика византийских распевов, и у Черной Мельпо, смешивавшей лекарства, были кипы пожелтевших грошовых романов, написанных на понтийском греческом. Но Мария никогда не видела таких красиво переплетенных томов, корешки которых покрыты странными золотыми буквами.

— Худенькая, но в хорошем смысле, — говорит Зекие по-турецки. — Ее худоба не затронула грудь. И бе-

дра станут шире, когда придет время, — она хлопает Марию по бедру. — Она сможет выносить тебе мальчиков.

Мария поднимает глаза. Она поняла слова Зекие о рождении мальчиков и осознала, что господин Мехмед — не отец ее господина, а сам господин. Она так поражена этим, что не может понять, рада или огорчена. Мехмед отходит на несколько шагов, чтобы оценить ее издалека. Он улыбается. Она же дышит осторожно, чтобы не было понятно, как волнуется. Мария взглянула ему в лицо, затем снова опустила глаза. Вот оно, лицо человека, который станет ее мужем! «Он явно хороший человек, добрый, — думает она. — Даже если его глаза трудно понять». Он опять улыбнулся ей. Наверное, это означает, что господин доволен. Он спас ее семью и всех остальных, послав столько золотых монет, даже не познакомившись с ней. Она не осмеливается поднять голову, чувствуя на себе его взгляд. Его глаза ярко-карего цвета. Их она заметила сразу, как только мужчина вошел в комнату. «Необычные глаза», — решила Мария.

В саду гарема две маленькие девочки в белых платьях с оборками гоняются за мальчиком лет десяти, одетым в костюм моряка и шляпу. Краем глаза Мария следит за ними. Мальчик пронзительно кричит, когда девочка повыше толкает его на землю. Зекие открывает двери, ведущие на террасу, и веером грозит детям: «Негодники! Вы мешаете папе! Папа даже мыслей своих не слышит!» Дети убегают по тропинке мимо пруда и исчезают среди деревьев.

Зекие закрывает двери и, как бы извиняясь, улыбается Мехмеду, хотя это даже не ее дети, а третьей жены. Она отходит к большой картине, где нарисована молодая пастушка в бело-розовом платье. Вздыхает рядом с тоской,

а потом бросает взгляд на дедушку. Он задумчиво рассматривает Марию. А Мария изучает картину, не желая встречаться с ним взглядом. Пастушка держит в руках какой-то струнный инструмент из дорогого дерева. В ее волосах веноч из цветов. «Похожа на принцессу, переодетую в пастушку», — решает Мария. Но потом понимает, что героиня картины — это госпожа Зекие, только много лет назад. Госпожа быстро подходит к Марии.

— Красивые глаза, красивое личико, хорошая грудь, мой дорогой, — говорит она дедушке, касаясь груди Марии указательным пальцем. Мария с тревогой делает шаг назад, закрывая грудь руками. Зекие улыбается и грозит ей пальцем. Девочка нервно улыбается в ответ.

ГЛАВА 2

*Четырьмя месяцами ранее,
весна 1909 года,
греческое поселение на Кавказе*

Они бегут, пока за деревней горит чайная плантация. Хозяйка дома, русская дворянка, была убита вместе со своими дочерьми, слугами и всей стражей. Старейшина деревни, пытавшийся спрятаться в ее конюшне, тоже убит. Священник, всхлипывая, босиком бежит по грязному полю. Камни и колючки впиваются ему в ноги, ряса задрана выше коленей. На опушке леса его догоняют люди, и серые деревья блокируют ему путь. Мачете ударяют по рукам и ногам, он падает в грязь. Кровь брызгает на убийц, пока священник пытается уползти от них. Налетчики оттаскивают раненых и убитых на горящее поле, где лежит уже мертвый священник, сдирают со своих жертв рубашки и штаны, оскверняют их неопишными способами, хохоча и стреляя из ружей. Они поджигают большой дом, его сарай и амбары, бросают в огонь коробки с патронами. Огненная стена простирается по долине далеко